

Т. А. Магсумов

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ В СРЕДНИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ РОССИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА.

*Работа представлена кафедрой музеологии
Казанского государственного университета.*

Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор А. А. Литвин

В статье раскрыты цели и основные направления воспитательной политики государства в области среднего профессионально-технического образования в конце XIX – начале XX в., достижения и противоречия при ее реализации на местах на примере типичного учебного заведения – Казанского промышленного училища.

The article is devoted to the basic trends in the state educational policy in the field of secondary vocational training at the turn of the 20th century. The author considers the achievements and contradictions of its local realisation basing on the example of a typical educational institution – the Kazan industrial school.

На рубеже XX и XXI вв. система воспитания в России оказалась в состоянии многогранного системного кризиса, чем привлекла к себе внимание отечественной исторической мысли. Это было обусловлено тем, что накопленный опыт воспитания подрастающих поколений различными учебными заведениями профессионально-технического профиля содержит много поучительного для осмысления новых форм и методов воспитания, процессов адаптации молодежи к условиям современных рыночных отношений.

Воспитательная работа в промышленных училищах мало чем отличалась от воспитательной работы в других типах учебных заведений и развивалась в значительной мере под воздействием уже сложившегося опыта общеобразовательной школы. Власть рассматривала воспитание верноподданных чувств молодежи как одну из своих важнейших задач. Во второй половине XIX в. внимание государства к этой проблеме усиливается, что было связано с последствиями реформ системы образова-

ния, которые привели к значительному росту как общего числа учащихся, так и доли в них учеников из непривилегированных сословий. В то время активно внедрялись в жизнь идеи Н. И. Ильминского, который полагал, что «пусть сначала образуется хороший человек: честный, доброжелательный, набожный... затем на этом основании будет хороший специалист»¹.

В 1894 г. Министерством народного просвещения (МНП) были утверждены «Правила для учеников промышленных училищ», ставшие, по сути, государственной программой воспитания учащихся низших и средних профессионально-технических учебных заведений. Основной целью и особенностью «Правил» было стремление предельно регламентировать жизнь учащихся, не допустить их совместной деятельности и организации ученического коллектива. Драконовские меры вызвали сопротивление не только учащихся, но и их родителей и педагогической общественности, что вылилось на страницы демократической печати. В итоге в 1896 г. МНП в специ-

альном циркуляре попечителям учебных округов отметило, что «правила для учеников промышленных училищ заключают в себе общие для всех заведений положения, которые на практике должны применяться не с буквальной точностью во всех училищах, а сообразно с типом их, главным же образом с возрастом учащихся»². Однако эти оговорки министерства, носившие рекомендательный характер, по сути, не изменили обстановку в технических училищах.

Одним из определяющих условий успешности образовательной системы «Правила» подразумевали строгое соблюдение дисциплины учащимися. Каждый ученик был обязан иметь при себе особый билет с правилами поведения, за нарушение которых он изымался любым членом педагогического совета, что автоматически запрещало провинившемуся ученику дальнейшее посещение занятий. Билет был основным документом учащегося, своего рода паспортом, в который также вносились отметки родителей или попечителей о времени отправления ученика из дома после каникул или особо разрешенного начальством отпуска. Билет и эти меры позволяли контролировать времяпрепровождение юношей за пределами училища.

С целью поддержания строжайшей дисциплины «Правила» детализировали поведение учащихся как во время учебного процесса, так и вне стен учебного заведения. Ученики должны были являться на занятия со всеми учебными принадлежностями, заранее занять свои места и без разрешения преподавателя не могли менять свое место. Во время уроков ученики должны были сидеть прямо, им запрещалось разговаривать, заниматься посторонними делами, производить шум, подсказывать друг другу, перебивать преподавателя; отвечать ученики должны были стоя, вставать со своих мест по окончании урока они могли только с разрешения преподавателя³. В целях облегчения надзора за учащимися вне стен училища было введено обязательное ношение

форменной одежды. Запрещалось ношение длинных волос, украшений, а также тросточек, хлыстов и палок. Ученики не могли отлучаться с квартиры позже десяти часов вечера.

Особое место в «Правилах» занимало регулирование взаимоотношений учащихся и отношений между учениками и преподавателями. Учащиеся должны были беспрекословно подчиняться учебному начальству и преподавателям, относиться к ним с почтением, полным доверием и откровенностью. В общении, особенно с начальством и педагогами, «ученики обязаны быть вполне правдивыми... избегая всякого лицемерия, притворства, лжи и обмана»⁴. Впрочем, в условиях определенной закрытости Казанского промышленного училища (КПУ) и жесткой зависимости учеников от учебного персонала иметь другие отношения было просто невозможно. Раздел «Правил», касавшийся взаимоотношений в ученической среде, акцентировал внимание на нравственном воспитании учащихся. Он имел и далеко идущие перспективные цели – научить учеников идеальным для власти способам и системе коммуникации в обществе. В отношении к товарищам ученики должны были быть вежливыми, доброжелательными и дружелюбными; ссоры, брань, драки и игры на деньги строго воспрещались. Вообще, ученики, дорожа честью своего училища и своего класса, обязаны были воздерживаться сами и воздерживать своих товарищей от «всякого рода поступков, не совместных с честью благовоспитанных юношей, и должны всячески предупреждать такие поступки, которые могут бросить тень на учебное заведение»⁵.

«Правила» строжайше запрещали самоорганизацию учащихся, попытки к объединению учеников и их связи с различными партиями, кружками и обществами. Попытки оградить учеников от влияния окружающего их мира, вызванные боязнью политического просвещения учеников, стремлением упредить попытки общественных дви-

жений и партий рекрутировать учащихся в свои ряды и даже оградить их от соблазнов вольной светской жизни, привели к определенной закрытости КПУ. «Ученики, – говорилось в «Правилах», – отнюдь не должны составлять между собою и с посторонними лицами каких-либо обществ или вступать в таковые общества под опасением исключения из училища»⁶. «Правила» запрещали ученикам многолюдные собрания на их квартирах, иметь недозволенные начальством издания, а также порох, огнестрельное и холодное оружие.

Художественно-эстетические потребности учащихся почти не удовлетворялись. Учащимся КПУ строжайше воспрещалось посещение общественных и увеселительных мест, признанных учебным начальством вредными или неприличными, а именно: Панаевского сада, Эрмитажа и сада при ресторане «Русская Швейцария», а также Черного озера в летнее время после шести часов вечера⁷. Ученикам не позволялось посещать в числе публики залы судебных заседаний. С особого каждый раз разрешения начальства учащиеся могли посещать публичные заседания ученых обществ, публичные библиотеки, читальни, а также театр. Посещение городского театра учащимся КПУ регламентировалось рядом условий. В частности, театральные постановки можно было смотреть только в праздничные и воскресные дни по особому разрешению инспектора. В будни посещение театра допускалось в особых случаях, по усмотрению инспекции, для вполне успевающих учеников и с согласия заведующего учебной частью. Правда, при этом ученики не имели права брать билеты в оркестр, в первые четыре ряда кресел, на галерею и в ложи, посещать буфеты и курительные комнаты. Одетые аккуратно и по установленной форме, они должны были вести себя крайне тихо и прилично, даже не аплодируя, а после окончания спектакля тотчас уходить домой. Более того, даже тексты литературных чтений и вокальных произ-

ведений, которые входили в программы вечеров, устраивавшихся в училище, за исключением духовных песнопений и литературных произведений, входящих в учебные планы или рекомендованные Учебным комитетом МНП хрестоматии и литературные сборники, должны были предварительно доставляться Попечителю Казанского учебного округа⁸.

Особое место в «Правилах» занимали вопросы религиозного воспитания учащихся. Каждый ученик в воскресные и праздничные дни, а также накануне этих дней был обязан посещать общественное богослужение. Ученики, живущие недалеко от церкви Покрова Пресвятой Богородицы, были обязаны посещать преимущественно эту церковь, а остальные – ближайšie к их квартирам приходские церкви. Ежегодно, в Страстную неделю, учащиеся должны были исповедоваться и причащаться. Согласно «Правилам», перед началом учебных занятий все ученики должны были, собираясь к 7 часам 35 минутам утра, присутствовать на общей молитве, а после окончания последнего урока молитва должна была читаться в классе. Более того, возможно, как стремление «услужиться» перед вышестоящим начальством, в виде местной инициативы каждому выпускнику КПУ на экзамене по Закону Божьему выдавалось по Святому Евангелию⁹.

Однако реальная обстановка по религиозному воспитанию учащихся, возможно, резко отличалась от программы правительства. Об этом свидетельствуют материалы ревизии КПУ окружным инспектором Соловьевым в марте 1904 г. 19 марта, прибыв к 8 часам утра на молитву, инспектор обнаружил в актовом зале небольшую группу из 20–25 учеников, стоящих около парт, и надзирателя. Увидев отдельно стоявших четырех певчих, надзиратель махнул им рукой, чтобы они присоединились к общей группе, так как четверо учеников не могли составить хора. Вышедший на середину зала ученик по молитвеннику торопливо

прочитал слова молитвы, при начале которой подошел и инспектор. На следующий день ситуация кардинально изменилась: на молитве присутствовало в два раза больше учеников, не считая 10–12 певчих. Но в обоих случаях преподаватели на молитве не присутствовали¹⁰.

Все указанные в «Правилах» требования были настолько типичными и характерными для жизни любого среднего учебного заведения, что и нарушались они с такой же типичностью, периодичностью и постоянством. Основные проступки учеников КПУ были совершенно студенческими: несоблюдение формы, курение, пропуски занятий, кутежи, хождение без разрешения в театр, перемена квартир без разрешения начальства, опоздание при возвращении с каникул¹¹.

Большое место в системе воспитания законодательство отводило наказаниям. Одновременно с «Правилами» для учеников были утверждены и особые «Правила о взысканиях, налагаемых на учеников технических училищ»¹². Наряду с такими наказаниями, как запись в дисциплинарный журнал, выговор, стояние у парты или стены, предусматривались и драконовские меры: заключение в карцер на время от 1 до 24 часов или исключение из училища. Педагогический совет в рамках училища был последней инстанцией и обладал решающими функциями в назначении взысканий: от уменьшения отметки за поведение и выговора перед классом или всем училищем до исключения ученика из училища с

правом поступления в другое учебное заведение города, с лишением этого права, но с предоставлением возможности учиться в других городах или с лишением права поступления во все учебные заведения страны. Одними из самых распространенных видов наказаний, практиковавшихся в КПУ, были: внесение в штрафной журнал, выговор, арест в течение нескольких часов, в том числе в праздничное время¹³. Как правило, до суровых наказаний дело не доходило. Даже во время революции 1905–1907 гг. исключенные ученики после извинений и обещаний хорошего поведения восстанавливались в училище.

Главными проводниками воспитательной политики государства, помимо преподавателя Закона Божьего, были надзиратели. Освобожденные от других видов деятельности, они осуществляли общее руководство воспитанием учащихся и непрерывный надзор за учениками в училище и вне него. Надзиратели следили за порядком во время занятий, на переменах, во время питания учащихся, осуществляли надзор за ученическими квартирами, сопровождали воспитанников во время посещения ими театров, музеев, выставок и т. д.

Таким образом, проводимая в профессионально-технической школе воспитательная политика была хорошо продуманна и достаточно результативна. Ее целью была социализация учеников в общество в соответствии с потребностями и задачами государства, а основой было религиозно-нравственное воспитание.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ильминский Н. И. Программы школы для крещеных инородцев Восточной России. Казань, 1896. С. 32.

² Сборник материалов по техническому и профессиональному образованию. Вып. I. Ч. II. СПб., 1895. С. 164.

³ Правила для учеников низших технических училищ // Средние технические училища. Низшие технические училища. СПб., 1909. С. 257.

⁴ Правила относительно соблюдения порядка и приличия учениками низших технических училищ соединенного Казанского промышленного училища. Казань, 1905. С. 12.

⁵ Правила для учеников... С. 260; Правила относительно соблюдения... С. 13.

⁶ Правила для учеников... С. 261; Правила относительно соблюдения... С. 15–16.

⁷ Правила относительно соблюдения... С. 18–19.

⁸ НАРТ. Ф. 121. Оп. 1. Д. 210. Л. 4.

⁹ Там же. Д. 623. Л. 16.

¹⁰ Там же. Д. 21. Л. 101.

¹¹ Там же. Д. 607. Л. 29.

¹² Правила о взысканиях, налагаемых на учеников технических училищ // Средние технические училища... С. 271–273.

¹³ НАРТ. Ф. 121. Оп. 1. Д. 37. Л. 12, 17, 19, 21, 23, 25, 26, 28, 32.